

УДК 342.3

**ИДЕЯ РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ В ТРУДАХ
К.Н. ЛЕОНТЬЕВА, К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА, Д.А. ХОМЯКОВА**

© 2013 г.

В.И. Цыганов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ziganovv@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.05.2013

Анализируются основные идеи российских консерваторов К.Н. Леонтьева, К.П. Победоносцева, Д.А. Хомякова о российской монархии. Наряду с традиционными признаками данные авторы особое внимание уделяли идее богоданности монархической власти и её опоры на особую нравственную связь между народом и монархом.

Ключевые слова: самодержавие, цветущая сложность, внутреннее деспотическое единство, православие, «великая ложь нашего времени», национальные основы царской власти.

История России заставляет признать, что все наиболее существенные экономические, политические, культурные, военные победы России связаны с монархической или авторитарной системой власти. Напротив, попытки строительства либеральных типов власти (неважно, в условиях феодального сословного строя или буржуазного общегражданского) заканчивались тяжёлыми поражениями во всех сферах жизни, исправляемыми только дальнейшей централизацией и укреплением власти.

Данные соображения приводят к мысли, что изучение консервативных идей кануна двух русских революций является более плодотворным, чем исследование либеральных идей, к этим революциям приведших.

Обоснование спасительности неограниченной монархии для России мы находим в трудах известного русского мыслителя, философа консервативного направления Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891). Отношение к русскому самодержавию у него тесно связано с идеей прогресса, «идеей развития»). Высшей точкой развития и органических тел, и «государственных организмов» он считал момент достижения высшей степени сложности, объединённой «неким внутренним деспотическим единством» [1]. В соответствии с этим подходом в истории любого общества он выделял три стадии: «1) первичной простоты, 2) цветущей сложности и 3) вторичного смешанного упрощения» [2].

Чтобы понять, что же является благом для того или иного народа, необходимо установить государственную форму, которая была в исторической жизни ему наиболее присуща, при которой он (народ) достиг стадии «цветущей

сложности», ибо форма – не случайность, она «есть деспотизм внутренней идеи, не дающей материи разбежаться» [3]. С этих позиций, в период «первичной простоты», по мнению К.Н. Леонтьева, правы «прогрессисты», желающие перемен, в период «вторичного упрощения» правы «охранители», стремящиеся законсервировать существующие формы. Наиболее полное и адекватное выражение этой идеи в период «цветущей сложности» достаточно кратко и его нельзя повторить. Поэтому наиболее естественным и правильным в сфере политической является максимально возможное удлинение жизни государственных форм и сопряжённых с ними общественных институтов (например, православия в России) эпохи наибольшей зрелости.

Для России такой формой, по глубокому убеждению К.Н. Леонтьева, является «родовой наследственный Царизм», тесно связанный с православием. Причём утверждение в России православия и самодержавия является, на его взгляд, прежде всего результатом византийского влияния на «полудикую Русь», а не органическим развитием собственно восточнославянских начал. Леонтьев писал: «Сильны, могучи у нас только три вещи: византийское Православие, родовое и безграничное Самодержавие наше и, может быть, наш сельский поземельный мир... – и далее: – Я хочу сказать, что Царизм наш, столь для нас плодотворный и спасительный, окреп под влиянием православия, под влиянием византийских идей, византийской культуры» [4].

Таким образом, К.Н. Леонтьев, безусловно, положительно относится к русскому неограниченному самодержавию. Он видел прочные ос-

новы российской монархии в психологии русского народа, приверженного православию и покорного властям. Он тоже обращает внимание на то, что русские бунты не были направлены на ограничение самодержавия и часто использовали «лжелегитимизм» (самозванство), что ещё раз доказывало силу монархического начала в России.

Европейский либерализм Леонтьев считал свидетельством того, что Европа вступила в период «смесительного вторичного упрощения». Либерализм стремится к всеобщему равенству, равенству лиц, сословий, провинций, наций; а это не что иное, как упрощение, «гниение». В эпоху «цветущей сложности» внутренняя идея деспотически организует, структурирует общественную систему, а «эгалитарно-либеральный процесс» борется «против всякого деспотизма – сословий, цехов, монастырей, даже богатств и т.п., есть не что иное, как процесс разложения» [5].

Либерализм страшен для России, ибо раньше времени ведёт к третьему заключительному периоду русской истории. Леонтьев писал, что «никакое польское восстание и никакая пугачёвщина не могут повредить России так, как могла бы ей повредить очень законная демократическая конституция» [6].

Вклад К.Н. Леонтьева в развитие русской монархической идеи сходен с влиянием его предшественника Н.Я. Данилевского. Леонтьев обосновывает своеобразие, независимость русской политической истории, гибельность для России идей западного либерализма, необходимость и спасительность царского самодержавия. Для собственно монархической идеи наибольшую ценность представляет, на наш взгляд, его мысль о роли православия в укреплении самодержавия.

Сторонником неограниченного самодержавия являлся крупнейший государственный деятель, философ, профессор права, педагог Константин Петрович Победоносцев (1827–1907). Он считал, что политическое устройство России, сложившееся в результате и после реформ Петра I не требует принципиальных изменений, тем более в радикальной форме. Необходимы лишь постепенные, эволюционные изменения, направленные на улучшение качества законов, их исполнения, на повышение нравственности самых широких слоёв населения, при усилении роли православия в жизни общества. При этом как государственный деятель и мыслитель Победоносцев решительно выступил в начале 80-х годов против имевших большую популярность в правительственных кругах и среди некоторой

образованной части общества идей конституционализма, парламентаризма, созыва Земского собора. Идеи ограничения русского самодержавия, принятия конституции он называл «безумными стремлениями». Парламентаризм он называет «великой ложью нашего времени», развенчивая в одноимённой статье, написанной в 1896 году, все мнимые, по его словам, достоинства данной политической системы. На его взгляд, парламент абсолютно не выражает волю и интересы народа. Политические вопросы относятся к числу самых сложных, подавляющая масса народа, как справедливо считает Победоносцев, абсолютно в них некомпетентна. Избиратели на парламентских выборах отдадут свои голоса отнюдь не самым образованным, опытным и добросовестным. На выборах побеждает «смелость, самоуверенность в соединении с ораторством и даже некоторой пошлостью, нередко действующей на массу» [7]. При этом огромную роль играют поддерживающие кандидата организации, вложенные в избирательную кампанию деньги и органы печати. Народные представители с помощью популизма и денег, попав в парламент, «не стесняются ни сколько взглядами и мнениями избирателей, но руководствуются собственным произвольным усмотрением или расчётом, соображаемым с тактикой противной партии». Мало того, при рассмотрении наиболее принципиальных вопросов народный представитель, как правило, несвободен в своём решении, принимая его в соответствии с указаниями лидера парламентской партии, к которой принадлежит. В соединении с этим система образования правительства на парламентских и партийных началах приводит к тому, что «министры в действительности самовластны; и скорее они насилуют парламент, нежели парламент их насилует» [8]. В результате народ получает парламент как «учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей» и министров, которые «столь же безответственны, как и народные представители» [9]. Таким образом, при парламентаризме, как и при единовластии и олигархии, власть принадлежит привилегированному меньшинству. Введение парламентаризма в России, по мнению Победоносцева, привело бы к страшным потрясениям, хотя бы вследствие её многонационального состава. Демократия в отличие от неограниченной монархии не сможет справиться с «инстинктами национализма». Напротив, парламентаризм станет благодатной почвой для сепаратизма: «каждое племя из своей местности высылает представителей – не

государственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов, племенного раздражения, племенной ненависти – и к господствующему племени, и к другим племенам, и к связующему все части государства учреждению». Последствия этого точно предсказать трудно, но в любом случае, считает Победоносцев, для России они были бы губительны. В целом, оценивая идею парламентаризма для России, Победоносцев писал: «Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда судьба послала нам роковой дар – всероссийский парламент! Да не будет» [10]. После убийства Александра II в своей знаменитой речи в Государственном совете 8 марта 1881 года Победоносцев резко осудил проект М.Т. Лорис-Меликова, предусматривавший создание при Государственном совете некоего подобия представительного органа; государь Александр III поддержал своего обер-прокурора.

Столь же решительно К.П. Победоносцев выступил против славянофильского проекта созыва Земского собора, предложенного министром внутренних дел Н.П. Игнатьевым. Биограф Победоносцева Б.Б. Глинский писал, что замысел «московских друзей» К.П. Победоносцева привёл последнего в ужас, этот проект «как явление государственного ... беспорядка, рисовался ему ещё более опасным, нежели проект Лорис-Меликова, в котором как-никак он всё же усматривал известную законченность и определённость» [11].

Таким образом, К.П. Победоносцев достаточно обоснованно критикует пагубность для России парламентаризма. Неприятие им Земского собора имеет своими причинами, видимо, политическую нестабильность в пореформенной России и либеральные настроения в образованной среде, не понимающей самобытности русской политической истории. В этих условиях Земский собор мог выступить против верховной власти. Но что предлагает К.П. Победоносцев? Только лишь улучшение качества законов, повышение нравственности народа и усиление роли православия. То есть, как и прочие представители русской политической консервативной мысли, он видел своеобразие самодержавия в нравственных и православных основаниях. Но достаточно ли было лишь предложенных им мер? Была ли необходимость что-то менять в системе государственной власти? Ответов на эти вопросы мы у К.П. Победоносцева не находим.

Интересными представляются взгляды на форму правления российского государства известного консерватора-охранителя Дмитрия

Алексеевича Хомякова (1841–1918). Он считает, что нет абсолютно лучшей формы правления; её достоинства определяются степенью соответствия «внутреннему строю», присущему тому или другому обществу. К внутреннему строю Хомяков относит прежде всего веру и основанный на ней народный быт, а также экономические, политические и культурные признаки, характеризующие общество. При этом он отличает внутренний строй западного человека и восточного. Для западного человека на первом месте стоят материальные интересы, и именно в их достижении он получает наибольшие результаты. Для восточного человека характерно понимание того, что всё земное переходяще, есть цели более высокого порядка, относящиеся к сфере духа. Русский, по мнению Д.А. Хомякова, представляет собой гармоничное звено между этими двумя крайностями, стоящее ближе к азиатом, с которыми, впрочем, русских глубоко разделило христианство.

На Западе стремление к материальному благу породило стремление народа к участию в политических процессах, интерес к государственным делам, ибо власть и материальное благополучие тесно связаны. Отсюда повсеместная замена единовластия конституционными монархиями или республиками. Абсолютизм, бывший в европейских странах, проявление того же самого, но со стороны правящих, в то время пока еще народ не в силах взять власть в свои руки. На Востоке, в том числе и в России, народ, заботясь о духовном благе, тяготеет к гражданскими, политическими делами и стремится их передать профессионалам в управлении: царю и чиновникам. Русский народ, считает Хомяков, «живущий верой и бытом, твёрдо стоит на принципе самодержавия, то есть устранения от политиканства, в котором видит лишь необходимое зло, которое возлагает как бремя на избранное и жертвующее собою для общего блага лицо – Государя, за что и воздаёт ему честь и любовь» [12].

Русское самодержавие и абсолютизм имеют совершенно разную природу. При абсолютизме власть существует ради власти. Монарх оторван от народа, абсолютно независим, он становится царём всех – всего множества народов, населяющих страну. Иное при самодержавии, которое существовало, по мнению Хомякова, в допетровской России. Самодержавие характеризуется органичной связью царя и народа, характеризующейся полным доверием народа своему монарху. Народ, по мнению Хомякова, «не подозревает власть в наклонности к абсолютизму, ибо он считает

власть органической частью самого себя, выразительницей его самого, неотделимой от него; и потому самому ему не придёт никогда мысль в голову о её формальном ограничении, пока он не поймет возможности того, что власть может от него отделиться, стать над ним, а не жить в нём» [13]. При этом надо иметь в виду, что речь здесь идёт только о русском народе. Древняя Русь при колонизации других народов, считает Д.А. Хомяков, не приспособивалась к ним, верховная власть общалась с этими народами не прямо, а посредством своего (русского) народа. Царь всегда оставался русским царём; государство всегда оставалось государством самоопределяющегося русского народа, иные народы не влияли на государственное строительство. При этом, будучи далёким от политиканства, народ понимает, что было уже сказано, власть как бремя, и «Царь, царствуя, почитается совершающим великий подвиг, подвиг самопожертвования для целого народа». Таким образом, Хомяков указывает «чисто нравственный характер, который имеет в глазах русского народа Самодержавие» [14].

Реформы Петра I заменили Русское Самодержавие – абсолютизмом. Царь в разноплеменном море своей страны захотел стать царём всех, а не только русского народа. В итоге он оторвался от своего народа и не стал ближе другим. Между ним и народом образовалась могущественная «абсолютная бюрократия». Необходимо возродить самодержавие, для этого необходимо царю осознать свою духовную близость именно с русским православным народом, по-прежнему являющимся основой русского государства. Это возможно, ибо реформы Петра I и последующие 150 лет смогли испортить лишь дворянское сословие, народ же сохранил полное доверие к своему государю «как к тому, в ком он видит воплощение своего народного единства и органической внутренней связи» [15].

Следует заметить, что Д.А. Хомяков несколько идеализирует допетровский период, не видя, например, что уже при Алексее Михайловиче абсолютизм (западного образца) активно развивался, резко сокращалось участие различных слоёв (кроме дворянского) в управлении государственными делами, что нашло отражения и в соответствующих политических учениях, в частности в рассмотренных нами взглядах Семиона Полоцкого.

Подчёркивая нравственную основу самодержавия, видя в нём выражение духа русской нации в государственной сфере, Хомяков не считает необходимым и не предлагает каких-

либо серьёзных изменений во внешнем, политическом устройстве России. Здесь его предложения ограничиваются необходимостью созыва Земского собора как одного из важнейших средств общения царя с народом и восстановления органического характера связи между престолом и подданными.

Таким образом, в учении Д.А. Хомякова выделяются идеи о национальных основах царской власти, об отличии самодержавия от абсолютизма.

Итак, что можно сказать в целом о монархической идее в трудах данных авторов? Возвращаясь к анализу учений рассматриваемого периода, следует констатировать, что именно рассмотренные мыслители вместе с ещё некоторыми представителями русского консерватизма (традиционализма) выработали основные положения теории русского самодержавия. Этот период можно охарактеризовать как период активного формирования теории русского самодержавия. Однако следует заметить, что эта теория не была целостной. Существовали отдельные её положения, в большей или меньшей степени обоснованные, но не было создано научной системы. Это являлось следствием отсутствия самостоятельной русской политической науки.

Основываясь на изложенном материале, можно назвать следующие положения идеи русского самодержавия:

- верховная власть в полном объёме принадлежит государю-императору;
- власть осуществляется пожизненно;
- власть передаётся по наследству;
- монарх является юридически безответственным.

Но эти положения являются общими для большинства монархий, и рассматриваемые нами авторы не акцентировали на них своё внимание. Суть самодержавной идеи составили следующие положения:

- власть царя от Бога;
- между государем и народом существует особая духовная связь, на которой и основывается сила и действенность самодержавия; характер этой связи является нравственно-религиозным. Отсюда – важное место, которое отводилось православию в утверждении функционирования русского самодержавия.

Эти положения тесно связаны. Разные мыслители указывали на разные стороны содержания существующей между монархом и его народом связи, но все они подчёркивали её религиозный и нравственный характер. Именно из содержания этой связи вытекают усмотренные большинством мыслителей апо-

личность, русского народа и его доверие, любовь к своему государю. В первый период мы лишь находим положения о богоданности царской власти и о необходимости обладания монархом христианскими добродетелями, что являлось видимым отражением указанной связи. А на третьем этапе налицо попытки теоретического обоснования духовного характера русского самодержавия.

Почти все рассмотренные нами авторы так или иначе подчёркивали необходимость постоянного поддержания и усиления указанной духовной связи. Отличались лишь их рецепты. Д.А. Хомяков предлагал наладить общение между народом и верховной властью посредством земских соборов. А К.П. Победоносцев считал, что земские соборы в тех условиях – это путь к государственному беспорядку; ему выход виделся в дальнейшем укреплении существовавшего порядка.

Список литературы

1. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство / Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 126.
2. Там же. С. 129.
3. Там же.
4. Там же. С. 104.
5. Там же. С. 130.
6. Там же. С. 106.
7. Победоносцев К.П. Московский сборник / К.П. Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996. С. 104.
8. Там же. С. 100.
9. Там же. С. 101.
10. Там же. С. 110.
11. Глинский Б.Б. Константин Петрович Победоносцев / К.П. Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996. С. 412–413.
12. Хомяков Д.А. Самодержавие. (Опыт схематического построения этого понятия). М., 1903. С. 33.
13. Там же. С. 34.
14. Там же. С. 40.
15. Там же. С. 12.

THE IDEA OF RUSSIAN AUTOCRACY IN THE WRITINGS OF K.N. LEONTIEV, K.P. POBEDONOSTSEV AND D.S. KHOMIAKOV

V.I. Tsyganov

The main ideas of the Russian conservatives K.N. Leontiev, K.P. Pobedonostsev and D.S. Khomiakov about the Russian monarchy are examined. Along with the traditional attributes, these authors paid special attention to the idea of a God-given nature of the monarchic power and its reliance on a particular moral bond between the people and the monarch.

Keywords: autocracy, blossoming complexity, internal despotic unity, Orthodoxy, “great lie of our time”, national bases of the imperial power.